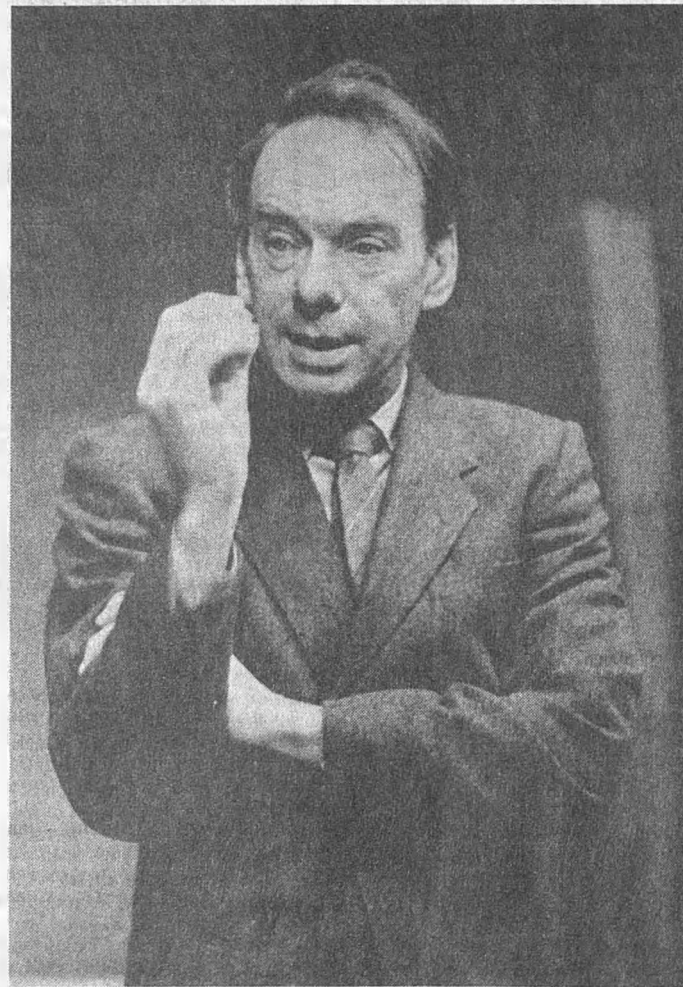

Те, кто представляет Баталова человеком мягким, недалеко от истины. Вот и на этот раз Алексей Владимирович терпеливо согласился на беседу, хотя, по его мнению, «сейчас не время рассуждать». Наш разговор на кафедре актерского мастерства ВГИКа открылся коротким, но темпераментным — дабы отвести душу — монологом.

— Мне кажется, нам всем следует помолчать и сосредоточиться. Мы оказались на таком переломе, что, дай Бог, удержаться самому и подстраховать своих близких. Мои советы никого не интересуют. Людям опостытели поучения, в особенности телевизионные. Актер должен появляться на экране, если он способен спеть романс или колыбельную, а не для того, чтобы дразнить зрителей своей фактивной мудростью. Артисты ведут себя почти так же бестактно, как журналисты. Этих я вообще боюсь. Они издеваются над нами совершенно безнаказанно. На Западе прессы — бич, да и у нас скоро начнется то же самое. Я категорически против скрытых камер и подслушивания. Кому выгодно передать функции КГБ в руки журналистам? Стоит ли обрекать людей на лишние страдания ради чьего-то сиюминутного профессионального успеха? Журналистам надо срочно разобраться, кто из них виноват в том, что народу изо дня в день демонстрируют чужие роскошные при-

лавки. Ведь когда зрители прибегают разбивать телецентр, будет поздно...

Впрочем, к вам это не относится. Я закончил. Можем приступить.

— Раз уж мы находимся во ВГИКе, давайте поговорим о вашей преподавательской деятельности. Считаете ли вы педагогикой своим основным занятием наряду с актерской профессией?

— Ни в коей мере. В институт я попал случайно. После смерти Бабочкина остался неприкаянным его курс. Он тоже был человеком сугубо театральным, видимо, поэтому мне предложили его место. Я довел тех ребят до диплома, выпустил их, а сам задержался во ВГИКе. Для меня это постоянная работа, как для других — театр. Здесь я могу получать зарплату, не суетиться, ни от кого не завися, и спокойно делать свое дело.

Мне нравится общаться со студентами. Молодежь сейчас резкая, прямолинейная, это очень отрезвляющая среда. Складывается реальное пред-

Алексей Баталов:

ставление о мире. У нас возникают те же проблемы, что и в «большом» театре и кино. Только ощущаются они болезненнее, потому что молодые острее на них реагируют.

Моя «система» преподавания предельно проста. По-моему, научить возможно лишь на собственном примере. Я делаю для студентов из своей жизни «шведский стол». Перед ними все — мой опыт, мое ремесло, мои убеждения, пусть ходят вокруг и выбирают по вкусу. Им надо набрать определенный багаж идей, знаний, навыков, превышающий дипломные требования. Чтобы было с чем начинать жить.

— Вы обмолвились о своем «сугубо театральном» происхождении. Так что же значит театр в вашей судьбе, судьбе киноактера?

— Абсолютно все. В кино я тоже залетел нечаянно. Пригласили — и пошло-поехало. Я вырос в театре, получил театральное образование. Кино — отхожий промысел, а театр — среда обитания. Тем не менее я всегда опасался попасть в чересчур сильную зависимость от режиссера, партнеров, репертуара. Вдобавок всю жизнь я стремился никому не быть

обязанным, такой у меня характер. Как всякое одиночество, это имеет свои страшные минусы, однако мне удалось сохранить независимость. К тому же не забываете, и театры были нескоро другими. Чем играть секретарей парткомов и колхозных активистов, я предпочитал тихонько работать на радио, инсценировать классику. Неважно, что нас слушали только больные в наушниках, зато какие актеры подбирались!.. Я до сих пор не расстаю с мыслью о театре. Наоборот, именно теперь, по-моему, и есть смысл вернуться. Раскрылись богатейшие возможности: море репертуара, никто не командует. Ставить спектакли стало гораздо легче, чем снимать фильмы, даже с экономической точки зрения.

— Вы видите для себя устойчивую нишу в ополоумевшем кинематографе или, как теперь принято говорить, в кинобизнесе ближайших лет?

— А моя ниша никуда не пропала. И вообще ничего не изменилось. Никакие перестройки не порождают новых талантов. Выяснилось, что особых ценностей в столах и на полках не пылилось. А Михалков как собирал полные залы,

И МУЖЕСТВО НАС НЕ ПОКИНЕТ

«Красота —

так и продолжает собирать. Правда, уже в Париже. Герман как был великолепным режиссером, так им и остается. Я не люблю разговоров о коммерции.

Искусство — отдельно, деньги — отдельно. Смешивать их можно только преднамеренно, с каким-то корыстным умыслом. Конечно, в обозримом будущем нас задавит африканский рынок. Просто весь мир к нему привык, а для нас он пока в диковинку. Хорошо, кто-то будет продавать порнографические календари, а я — рождественские открытки. Думаю, мы уживемся. А уж у кого торг пойдет удачнее, не от нас зависит.

Сейчас, как и в любую эпоху, люди живут в разных плоскостях. Среди молодых наверняка ходят Тарковский, Галич, никому не известный Мейерхольд. Но они витают совсем в иных сферах. Разумеется, они иногда обжигаются о свое время. А разве Высоцкий не обжигался о свое? Время, даже благополучное, всегда мешает художнику, ведь творчество — категория вечная. Конфликт между искусством и реальностью непреходящ. А все деньги я бы сейчас отдал Норштейну. Пусть работает —

нам всем от этого станет легче.

— То есть ваше актерское самочувствие в норме?

— Наверное, я не настоящий актер. У меня отсутствует комплекс упущенных ролей, неиспользованных шансов. Я делал то, что было мне интересно. Меня не мучат сомнения — когда умнее уйти, и как эффективнее это обставить. Я никогда никуда не торопился. Во мне нет одержимости, страсти, фанатизма. Я видел многих актеров, поглощенных профессией без остатка, посвятивших ей всю жизнь. А я рядом с ними — ни то ни се. Занимался разными вещами, во все совал свой нос и никакой самоотверженности не проявлял. Так что мое самочувствие составляет из других, более тонких, более личностных компонентов, нежели профессиональная востребованность.

— Вы не педагог, не актер...

— ...не журналист, хотя с этого начинал...

— ...не художник... Так кто же вы на самом деле?

— Не знаю. Нет, правда, есть такой тип. Не подпадающий ни под одну формулировку. Живу и живу себе. Причем,